

Ночь была прохладной, как вода. Свет лампы был мал, как горошина.

Линь Ханьша в два шага пробежался по крыше и слетел прямо, как перышко, в комнату.

В следующую секунду в молодого человека на кушетке, как внезапная вспышка света, полетел кинжал.

Кончики ушей Жун Цяня слегка шевельнулись, и он, почувствовав угрозу, с беспримерной бдительностью скатился с кушетки. Когда он неуклюже рухнул на пол, то увидел, что в то место, где должно было бы располагаться его сердце вонзился кинжал. Его тут же прошиб холодный пот.

Наблюдая, как на лице Чжоу Юйхэ выступили мелкие капли пота, Майк Ли, апатично сидевший за монитором, внезапно выпрямился, словно его что-то ударило, и уставился на паникующее выражение лица Чжоу Юйхэ.

Этот парень ... Его состояние совершенно не такое, как раньше!

– Ты, кто ты такой?! – Жун Цянь посмотрел на кинжал, а затем на Линь Ханьшу, который появился в комнате, как дух. Чувствуя, как по его шее пробегает холодок, он невольно ссутулился и отпрянул, выглядя так, словно он цепляется за жизнь и боится смерти.

(п.п. 出现 appearing as a spirit and disappearing as a ghost. Imaginal meaning: instantaneously, as by magic; uncatchable)

Линь Ханьша ничего не ответил, вместо этого он почувствовал желание подразнить этого труса. С улыбкой на губах он быстро вытащил кинжал.

Шорох.

Мягкий шелест металла о ткань заставил Жун Цяня испуганно вздрогнуть.

Мелкие детали были так хорошо проработаны!

Ассистент режиссера, стоящий рядом с Майком Ли, не мог не зааплодировать, увидев, как Майк Ли обернулся, он немного смущенно сделал два шага назад.

Этот Чжоу-Чжоу! Его игра сейчас и раньше была как выступление двух совершенно разных людей!

Раньше неважно правильно или неправильно он играл, но его Жун Цянь не вёл себя так и не был таким трусливым. Хотя теперь Жун Цянь больше не был персонажем «внушающим благоговейный трепет», но такого рода тонкое и тщательное исполнение образа «бессильного ученого, боящегося смерти» было очень ярким!

Истинный Бог!

.....

Улыбка в уголках рта Линь Ханьши стала ещё более очевидной, он взвесил кинжал в руке, приподнял брови и искоса посмотрел на Жун Цяня, лежащего на полу:

– Ты Линь Ханьша?

Жун Цянь невольно сглотнул.

Честно говоря, с тех пор, как он начал притворяться лидером Улинь это был не первый раз, когда он сталкивался с попыткой убийства, но большинство из нападавших ещё во внешнем дворе были остановлены другими экспертами по боевым искусствам, прежде чем они даже смогли бы попасть во внутренний двор. Это был первый случай, когда за ним пришёл убийца, чьи боевые искусства были настолько сильны, что он смог пройти сюда незамеченным.

И сейчас, видя убийственное намерение в глазах другого человека, его хладнокровное и равнодушное отношение, он боялся, что, если он скажет «да», то в следующую секунду его голова покатилась бы по полу.....

Когда Жун Цянь поднял глаза, его зрачки слегка расширились.

Это было чрезвычайно крошечное микровыражение, которое камера никогда не упустит – любой, кто увидит эту сцену, может подумать, что у него уже есть решение!

– Герой, меня неверно опознали, я не Линь Ханьша! – Жун Цянь поспешно замахал руками. Аура выдающегося таланта и мастера боевых искусств, которая в течение дня была у него перед толпой, исчезла.

– О? Тогда кто ты? Ты ведь не собираешься сказать мне, что тот, кто может жить в главном

дворе виллы Хуншуй – это какой-то счетовод, верно? – Линь Ханьша медленно присел на корточки. Его тонкие глаза серьезно посмотрели на выражение лица Жун Цяня. Уголки его рта были приподняты, но в этой улыбке была сильная злоба. Ему было действительно любопытно, этот самозванец, если бы он узнал, что прямо сейчас перед ним был настоящий Линь Ханьша, то испугался бы он до смерти?

С горьким выражением лица Жун Цянь быстро ответил на вопрос Линь Ханьши:

– Я не счетовод, по правде говоря, мне очень не везет! Ваш покорный слуга, обычный ничем не примечательный студент. Я ехал в Пекин сдавать императорские экзамены, но по дороге в столицу столкнулся с разбойниками. В суматохе мне не только подменили свёрток с вещами, но и забрали мою регистрационную табличку! Вам не кажется, что это трагично? Как я могу войти в экзаменационный зал без регистрационной таблички моей семьи, как я смогу победить на императорских экзаменах?

– Что еще хуже, потом у меня нашли нефритовый кулон Линь Ханьши и сказали, что я мастер Улинь. Они захотели, чтобы я взял на себя ответственность за общую ситуацию и истребил разбойников, иначе меня не оставили бы в покое!

– В свёртке с моими вещами была не только моя регистрационная табличка, но и лян серебром. Это деньги, которые моя старая мать подготовила мне для поездки в Пекин. Без этих денег я даже домой не могу вернуться, не говоря уже о том, чтобы продолжить путь в столицу. Посмотрите, какая ситуация! У меня нет другого способа выжить, кроме как сказать, что я действительно Линь Ханьша, уничтожить воров в горах, найти и забрать обратно свёрток со своими вещами! – Жун Цянь говорил с несчастным видом, его густые брови были трагически заломлены в виде маленького иероглифа «восемь». Вид у него был смешной и жалкий: бледное личико, чуть дрожащие кончики пальцев, такого человека можно было описать только одним словом «трусливый». Если бы он был настоящим Мастером боевых искусств, то альянс Улинь уже должен был бы находиться в состоянии смуты.

(п.п. иероглиф цифры восемь – 八)

Линь Ханьша с трудом сдержал свой смех, убийственное намерение, которое пронизывало его тело, не ослабело, но уголки его глаз уже показывали веселье.

Когда в укрепленном пункте в горах он услышал о различных деяниях человека с виллы Хуншуй, он сначала подумал, что этот самозванец хочет славы и жаден до богатства, поэтому лучше избавиться от него как можно скорее, пока не стало слишком поздно, чтобы тот больше не использовал его собственное имя, обманывая других людей.

Но когда он увидел его сегодня, у него возникли другие планы...

Такой маленький парень, который не знает, как высоко небо, огромна земля и насколько опасна личность лидера альянса боевых искусств.

Лучше оставить его в живых, так будет веселее.

– Разве ты не знаешь, какие силы стоят за разбойниками в районе горы Хуншуй, но осмеливаешься бесстыдно хвалиться, что истребишь этих воров? Ты когда-нибудь думал, что не только не сможешь вернуть свою домашнюю регистрационную табличку и своё серебро, но и твоя маленькая драгоценная жизнь, скорее всего... будет потеряна? – Линь Ханьша мягко пригрозил ему. Слегка повышенный тон в конце сделал его слова еще более угрожающими.

Он похлопал кинжалом по бледному и нежному лицу Жун Цяня, и веки того тут же задрожали.

Жун Цянь неохотно улыбнулся, заставляя себя сохранять спокойствие:

– Ты лжешь! Воин Сяо сказал, что бандиты с горы Хуншуй – это просто неорганизованная кучка сброда, стоит мне... главе альянса Улинь отдать приказ, откликнутся герои со всего мира и покончат с этим разбойничьим гнездом!

– Ха-ха-ха-ха, Сяо Юньцин – это что, – Линь Ханьша рассмеялся так сильно, словно услышал какую-то хорошую шутку, в его глазах, казалось, вспыхнула насмешка над ним. – Слушай, я собираюсь убить тебя внутри его такого защищенного дома, словно я нахожусь на ничейной земле. Как ты можешь верить тому, что говорит такой некомпетентный человек?

«Сяо Юньцин такой известный воин, но в глазах этого человека он никто? Если бы ты был здесь, чтобы отомстить Линь Ханьше, то уже давно бы сделал это, но вместо этого ты все еще просто болтаешь со мной...»

Под тем углом, который не мог видеть Линь Ханьша, но могла захватить камера, глаза Жун Цяня быстро задвигались. Он взглянул на самоуверенного и высокомерного Линь Ханьшу и вдруг хлопнул себя по бедру, нахмурился и начал жаловаться:

– В конечном счете, виноват Линь Ханьша! Он лидер Альянса Улинь, такой большой человек! Сам не усмотрел за своим свертком, из-за чего я теперь страдаю здесь ни за что. Герой, вы не знаете, сколько людей пришло убить меня в эти дни, их действительно было бесчисленное множество.....»

Выражение лица Линь Ханьши на мгновение застыло, его брови почти незаметно дернулись, он хотел разозлиться, но мог только сдерживаться. Кто-то хотел «найти Линь Ханьшу, чтобы отомстить»?

Увидев его таким, уверенность в своей догадке в душе Жун Цяня превратилась с тройки в семерку.

– Я не знаю, зачем ему нужен свёрток с моими вещами. Какая ему польза от регистрационной таблички моей семьи? Прошло так много дней, но Линь Ханьша так и не пришел на виллу Хуншуй, чтобы устранить путаницу. Он просто позволил мне «быть» им для всего мира, чтобы я собой заблокировал все открытые нападения и летящие тайком стрелы. Не знаю, какие грязные вещи он сейчас делает тайно! Герой, разве этот человек не настолько возмутительный?

– Достаточно! – Линь Ханьша насильно прервал слова Жун Цяня, расхаживая взад и вперед перед дрожащим телом собеседника, словно пытаясь избавиться от гнева в своей груди.

Как смеет этот мальчишка выдумывать такую историю за его спиной!

Если он действительно убьёт его сегодня, то разве не станет тем самым бессовестным человеком, о котором тот говорил?

Он поставил другого как мишень на открытом воздухе, чтобы скрыть свои действия в темноте, а затем после его использования убил этого человека?

Он усмехнулся:

– Хорошо! Поскольку ты не Линь Ханьша, то посещение тебя оказалось бесполезным делом.

Пока он говорил его острые холодные соколиные глаза оглядели изысканную и роскошную главную спальню, и он медленно произнес, слово за словом:

– Эта слава и почести, давай посмотрим, как много дней ты сможешь наслаждаться этим!

Сказав это, он ушёл и словно призрак растворился в темной ночи.

– Спасибо вам, герой, что не убили меня, спасибо, герой... – Жун Цянь молитвенно сложил

руки и пробормотал это.

По правде говоря, по сценарию сцена заканчивалась на этом моменте, но люди за пределами съемочной площадки зачарованно смотрели и не замечали этого.

Они заметили, что Чжоу Юйхэ все еще играет!

Увидев, что Линь Ханьша вышел из комнаты, Жун Цянь сначала посмотрел на внутренний двор под лунным светом, и когда он убедился, что там больше никого нет, выражение его лица изменилось. Он больше не был маленьким трусом, который жаждал жизни и боялся смерти, он мгновенно стал спокойным и собранным человеком.

Он встал и постоял некоторое время, заложив руки за спину.

Потом он снова поднял глаза, чтобы посмотреть в том направлении, куда ушел Линь Ханьша.

Сразу после этого он начал двигаться!

Он очень непринужденно подошел к столу и энергичным движением написал два слова на рисовой бумаге.

Линь Ханьша.

По сравнению с оригинальным сценарием, в котором были только подсказки и ничего не уточнялось, эта сцена ясно говорила зрителям, что Жун Цянь уже догадался о личности ночного посетителя!

Последний кадр.

Картинка зафиксировала постепенно нахмурившиеся брови Жун Цяня.

А его глаза были невозмутимы, как весенний дождь в зеленых горах, и в них, кажется, дремали бесчисленные темные тучи. Люди не могли видеть или понимать ход его мыслей.

Режиссер забыл крикнуть: «СНЯТО».

Помощник режиссера забыл напомнить, что тому пора сказать: «СНЯТО».

На самом деле все на съемочной площадке забыли, что сцена закончилась.

Они думали, что Жун Цянь будет продолжать играть, пока...

Чжоу Юйхэ улыбнулся и поклонился, сказав, что он постарался изо всех сил.

Майк Ли был ошеломлен на мгновение.

Затем он тяжело выдохнул:

– Хорошо... очень хорошо!!!

После этих слов его напряжённое тело с облегчением упало в режиссёрское кресло.

Словно вспоминая, он приложил свернутый в трубочку сценарий себе ко лбу, посмотрел на пол расфокусированным взглядом и пробормотал три или четыре раза:

– Хорошо сыграно. Твою мать, выступление Жун Цяня действительно охрененное.

Остальные люди на съёмочной площадке не были удивлены, что режиссер потерял контроль и нецензурной бранился, потому что все думали об одном и том же: «Жун Цянь сыгран охрененно!»

Изначально по оригинальному сценарию Линь Ханьша был потолком силы в сюжетном мире. Между ним и Жун Цянем была огромная разница по силе и импульсу.

Не говоря уже о том, что Жун Цянь по сюжету был его двойником. Перед настоящей вещью подделка должна была склонить голову.

Когда они были вместе, Жун Цянь, который и изначально не доминировал, легко подавлялся во всех аспектах.

Поскольку у этой роли был естественный недостаток в сюжете, поэтому раньше, как бы ни играл Чжоу Юйхэ, он выглядел так, словно его подавлял Се Ифэн.

Но на этот раз он воплотил в жизнь чувство «притворился, что боится»!

Какими бы скованными или осторожными ни были его движения, его глаза сияли ярко, и люди не могли не перевести взгляд с Линь Ханьши на него:

Им было любопытно, как Жун Цянь сможет выйти из этого затруднительного положения!

И череда его действий после окончания сцены была просто шедевром!

Это подтверждало догадку зрителей, что Жун Цянь не такой трусливый, как казалось на поверхности, а его ум – это глубокая пропасть!

У сцены было разумное продолжение, которое сделало ее более завершенной и полной.

Хотя эта версия Жун Цяня не такая прямолинейная и внушающая благоговение, как раньше, но теперь у него появилась сильная аура!

Последовательный контраст между двумя героями, пренебрежение к собственному имиджу, пока он молил о пощаде, стали точкой роста характера Жун Цяня!

Жун Цянь, который изначально находился в абсолютно невыгодном положении в плане раскрытия характера, в этой интерпретации Чжоу Юйхэ проявил ошеломляющую изюминку. Его импульс не уступил ауре Линь Ханьши в исполнении Се Ифэна, и даже слегка затмевал того в последней сцене.

Это убедило людей в том...

Кто здесь главный герой фильма!

<http://bllate.org/book/13305/1183707>